

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вячеслав Никонов

ИМПЕРИЯ, ГОСУДАРСТВО И НАЦИЯ В РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (ПО МОТИВАМ ИДЕЙ В.А.ТИШКОВА)¹

Аннотация: В статье рассматриваются особенности этнополитической ситуации, сложившейся в Российской империи накануне 1917 г. и во многом способствовавшей ее дезинтеграции. Особое внимание уделено вопросу о том, являлась ли Россия в тот период национальным государством.

Ключевые слова: Российская империя, этнополитические конфликты, национальное государство, национальный вопрос.

Summary: In article features of the ethno-political situation which has developed in Russian empire on the eve of 1917 and in many aspects promoted its decomposition are considered. The special attention is given to a question whether was Russia during this period the national state.

Key words: Russian empire, ethno-political conflicts, the national state, an ethnic question.

Никонов Вячеслав Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Статья опубликована в кн.: Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / [сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. С. 92–102.

Одно из распространенных объяснений революции 1917 г. следующее: Российская империя пала под ударами национально-освободительных движений угнетавшихся свободолюбивых народов, разделив тем самым неизбежную судьбу всех империалистических диктатур. Эта идея питается из нескольких источников. Прежде всего, из наследия В. Ленина, из его определения России как тюрьмы народов и теоретической установки на право наций на самоопределение, восходящей корнями к австро-марксизму с его представлениями о нации как этической общности. «При самодержавии в тяжких условиях находились все трудящиеся, но особенно невыносимым было положение трудящихся нерусских национальностей, или, как их тогда презрительно называли, “инородцев”, – читаем в классическом советском труде под редакцией И. Сталина. – Экономическая эксплуатация в отношении их усугублялась жесточайшим национальным угнетением. Даже те жалкие права, которыми пользовались трудящиеся русские, безгранично урезывались для угнетенных национальностей. Политическое бесправие, административный произвол и культурный гнет несло самодержавие поработанным народностям.... Тучи прозорливых чиновников, как саранча, поедали последние крохи у трудящихся угнетенных национальностей»². И далее в том же духе. Эту позицию вполне разделяла российская либеральная мысль. Проклятьем страны она считала (словами известного историка, правоведа и масона М. Ковалевского) «тот самый союз национализма с самодержавием, который считается величайшей преградой и на пути к свободе России»³. С тезисом о тюрьме народов всегда соглашалась западная общественность.

И она стала центральной для национальных идеологий и историографий тех государств, которые возникли на территории бывшей Российской империи. Новые правящие элиты отринули общую историю, представили ее в изолированном от России виде. Первыми это сделали Польша и Финляндия, где собственные истории давно рассматриваются как самостоятельные континуумы. То же произошло и в новых независимых государствах, где историографии концентрируются на собственном этносе, на территории недавно обретенного государства, проецируя их в прошлое. Для них империя – только тягостный контекст, в котором просыпалась, героически зрела и боролась за свою независимость под-

² История гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции. М., 1937. С. 40, 44.

³ Ковалевский М. Очерки по истории политических учреждений России. М., 2007. С. 237.

нимавшаяся нация. При этом, логика центральных властей не интересна для исследования, поскольку известна априори: она не могла якобы диктоваться ничем иным, кроме стремления сделать жизнь нерусских подданных как можно более невыносимой.

Такая точка зрения весьма распространена и в современной России, где большевистский этнонационализм все еще весьма силен. Наше прошлое часто рассматривается как история «последней лоскутной империи», которая сводилась к завоеваниям, колонизации и угнетению, с добавлением детерминистских ноток об обреченности империй. Поэтому большая часть литературы о национализме и государственности в дореволюционной России сводится либо к изучению национально-освободительных движений, либо крайней реакции шовинистического толка. В лучшем случае авторы скажут несколько добрых слов о терпимости и патернализме власти по отношению к нерусским народам.

Наряду с этим, правая российская мысль неизменно превозносила Российскую империю как высший образец таких терпимости и патернализма. «В этой «тюрьме народов» министрами были и поляки (гр. Чарторийский), и грек (Каподистрия), и армяне (Лорис-Меликов), и на Бакинской нефти делали деньги поработанные Манташевы и Гукасовы, а не поработители Ивановы и Петровы, – утверждал И. Солоневич. – В те времена, когда за скальп индейца в Техасе платили по пять долларов (детские скальпы оплачивались в два доллара), русское тюремное правительство из кожи лезло вон, чтобы охранить тунгусов и якутов от скупщиков, водки, сифилиса, падения цен на пушнину и от периодических кризисов в кедровом и пушном промысле... Вообще, если вы хотите сравнить быт тюрьмы и быт свободы, то сравните историю Финляндии с историей Ирландии. Сейчас обо всем этом люди предпочитают не вспоминать. Ибо каждое воспоминание о русской государственной традиции автоматически обрушивает всю сумму наук. Если вы признаете, что в самых тяжелых исторических условиях, которые когда-либо стояли на путях государственного строительства, была выработана самая человечная государственность во всемирной истории, то тогда вашу философскую лавочку вам придется закрывать»⁴. В этой части идеологического спектра весьма распространено мнение об органичности имперской формы для существования России⁵.

⁴ Солоневич И.Л. Великая фальшивка Февраля. М., 2007. С. 292–293.

⁵ См., например: *Бабурин С.Н.* Мир империй: Территория государства и мировой порядок. М., 2005; *Куренной В.* Политический и аполитический национализм // *Логос*. 2007. № 1; *Нарочницкая Н.А.* Русский мир. СПб., 2007. С. 23.

Вместе с тем, только начинается научное прояснение таких важнейших для судеб Российской империи вопросов, как структурирование пространства государства, сложная система отношений между центром и окраинами, имперской властью и локальными сообществами, асимметрия административно-правовых систем, ресурсы устойчивости государства, его способность обеспечивать стабильность в этнически и культурно разнородном обществе, государственный гражданский национализм с его постулатами народного суверенитета, российская идентичность, сам феномен русского народа, составными частями которого веками являлись самые разные национальности. Далеко не прояснен вопрос и о природе Российской империи: чего в ней было больше – от империи или от национального государства.

Вовсе не претендуя даже на подход к исчерпывающим ответам на эти исключительно сложные и спорные вопросы, попробую вкратце разобраться, была ли Россия классической империей, а если да, то какой; существуют ли какие-либо основания говорить о ней как о нации-государстве; были ли национально-освободительные движения причиной революции и крушения?

Исчерпывающих ответов не может быть уже потому, что не существует общепризнанных определений «империи» или «нации». Но как бы мы их ни определяли, мир начала XX в. состоял почти полностью из империй и колоний; исключение из крупных стран составляли, возможно, лишь Соединенные Штаты, только заканчивавшие зачистку и освоение американского континента и переходившие к экспансии в Западном полушарии, а также молодые республики Южной Америки и далеко не суверенный и поделенный на сферы влияния Китай. Глобальные империи – Британскую, Французскую, Испанскую, Португальскую, Бельгийскую – отличало наличие «большой воды» между метрополией и периферией, чего у России не наблюдалось. Как и государства Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов, она принадлежала к числу континентальных империй, представлявших собой сложную макросистему с весьма серьезными пограничными, этническими, религиозными противоречиями между ними. Все выступали покровителями отдельных конфессий, причем не только на своей территории, но и на сопредельных. Романовы были защитниками православных, Турция – мусульман, Австро-Венгрия в союзе с Ватиканом – католиков, Германия – протестантов. Каждая из континентальных империй предлагала собственную панэтническую идеологию: панславизм, пантюркизм, пангерманизм, которые имели тенденцию усиливать и подзуживать друг друга. Это не только оказы-

вало влияние на отношения между данными государствами, но и создавало внутри каждого из них этнорелигиозные меньшинства, ориентированные на внешние силы и потому подозреваемые в нелояльности.

При этом у России было немало особенностей, выделявших ее и из ряда континентальных империй. Первое и главное: *она не была этнической империей*, в чем ее как раз чаще всего и обвиняли. Как справедливо подчеркивает эту мысль чикагский профессор Р. Суни, «ни Российская империя, ни Советский Союз не были этническими “русскими империями”, в которых метрополия полностью бы совпадала с господствующей русской национальностью. Место господствующей национальности занимал институт господства – дворянство в одном случае, коммунистическая партийная элита – в другом. Данный институт господства был многонациональным, и хотя в российском дворянстве... преобладали русские, он управлял в имперской манере русскими и нерусскими народами»⁶. В чем Суни не прав: в российском дворянстве действительно русских родов было меньшинство, остальные представляли знатные фамилии из присоединенных территорий – татарские, литовские, польские, остзейские, немецкие, украинские.

Подтверждение неэтнического характера Российской империи находим у ведущего современного исследователя дореволюционного национализма А. Миллера: «Правящая династия дольше, чем в большинстве европейских государств, сопротивлялась “национализации”, господствующее положение в империи занимало полиэтническое дворянство, а русский крестьянин долгое время мог быть, и был в действительности, крепостным у нерусского, не православного – и даже нехристианского – дворянина. Нация “не правила” и не имела системы политического представительства»⁷. Историк В. Булдаков с возмущением пишет, что «Российская империя ухитрилась являть миру феномен “внутреннего колониализма” в форме закрепощения сословий»⁸.

В России в меньшей степени, чем в других колониальных империях, действовал принцип территориальной этничности, который, кстати, будет положен в основу национально-государственного деления уже в Советском Союзе. «От империи Габсбургов Россию отличала существенно менее сильная феодальная традиция в структурировании пространства

⁶ Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский подход в истории России, «национальная» идентичность и теория империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 36–82.

⁷ Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 152.

⁸ Булдаков В. Quo Vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 34.

империи, – подчеркивает Миллер. – Здесь не было прагматической санкции, четко фиксирующей границы «коронных земель» и права их местных дворянских сеймов. Лишь Царство Польское, Финляндия и, до некоторой степени, Остзейский край имели в определенные периоды сравнимый с габсбургскими коронными землями (Land'ами) статус»⁹.

Известный российский правовед Н. Коркунов в конце XIX в. обращал внимание на еще одну специфическую особенность нашей страны: «Колонии приобретались для экономической их эксплуатации. Присоединение русских окраин не было делом экономического расчета. Россия постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений, как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости»¹⁰. Действительно, российская экспансия диктовалась, по большей части, соображениями геополитики и национальной безопасности, а не экономики. Окраинные территории не были источником обогащения, а многие и не могли быть в принципе, коль скоро большая часть империи была либо совершенно не рентабельна даже для проживания в силу климатических условий, либо сильно отступала в развитии от центра, который выступал источником инвестиций, а не наоборот.

В отличие, скажем от Османской империи, которую все справедливо считали обреченным «больным человеком», Российская империя, несмотря на трудности, несмотря на очевидное унижение в русско-японской войне, была на подъеме, увеличивала свою военную и экономическую мощь, и никто не предсказывал ее распада в какой-либо обозримой перспективе.

Наконец, Россия была страной, которая, по моему глубокому убеждению, вступала, как и другие крупные европейские страны, на путь формирования нации-государства.

«Расширение политического пространства и появление гражданства социального пришлось на период, захвативший все начало XX в., – пишет видный знаток вопроса М. Манн. – Именно в это время и большей частью в Европе зародились первые настоящие нации-государства»¹¹. В российском сознании, да и во многих государственно-правовых документах понятие нации все еще имеет отчетливую этническую окраску – один язык, одна религия, одна психология и т.д. К современным тео-

⁹ Миллер А. Указ. соч. С. 154–155.

¹⁰ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1899. С. 180.

¹¹ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 384.

риям национальной политики и к современному миру подобная трактовка не имеет никакого отношения. Обратимся к их определению, которое предлагает директор Института этнологии и антропологии РАН академик В.А. Тишков: «Понятие “нация”... по сути подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества. Связь понятий *нация* и *государство* отражена в сложной категории “нация-государство” (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями»¹². При этом полиэтничный состав населения вовсе не служит непреодолимым препятствием для формирования гражданской нации и создания нации-государства.

Считается общепризнанным, что в начале XX в. Великобритания, Франция, Германия, даже Испания, уже были нациями-государствами, хотя все они при этом оставались глобальными империями, имели крайне неоднородное в этноконфессиональном плане население и внутренние колонии. Не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Великобритании, Бретань и Корсику в составе Франции, лоскутную империю, созданную Бисмарком, Кастилию, Каталонию, Страну Басков в Испании. Многоэтничность и поликонфессиональность – абсолютная норма для современных национальных государств. По многообразию этнических, религиозных, расовых групп многие страны далеко оставляют позади и дореволюционную, и, тем более, современную Россию с ее 135 народами. Вот как, по данным ООН, выглядит количество этнических групп в некоторых странах современного мира: Китай – 205, Камерун – 279, Индия – 407, Нигерия – 470, Индонезия – 712, Папуа – Новая Гвинея – 817¹³. Все они являются безусловными нациями-государствами. Почему же нашу страну никогда не относили к этой категории? А ведь основания для этого есть.

Еще в XIX в. система управления окраинами строилась с учетом местных традиций и особенностей, в первую очередь национально-культурных и религиозных. Это отражалось и в разнообразии учреждений и должностных лиц, это управление осуществлявших, и в особом административно-территориальном делении – наместничества, генерал-губернаторства, области, округа, магалы и т.д. Однако, чем дальше, тем более очевидной становилась тенденция к постепенному втягиванию

¹² Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 558.

¹³ Видимые руки. Ответственность за социальное развитие. Доклад исследовательского института по проблемам социального развития при ООН. М., 2001. С. 78–82.

окраин в общероссийскую систему управления, выравниванию различий в управленческих моделях. «После Великих реформ Россия, – пишет Тишков, – становилась все более современным (“национальным”) государством в смысле административной, правовой, культурной унификации всех частей империи и интеграции общества по вертикали через словесные, религиозные и регионально-этнические барьеры, которые имелись среди населения»¹⁴. За этим скрывалась не только и не столько злая воля «колонизаторов из тюрьмы народов», сколько объективная потребность развития индустриального общества, связанная с необходимостью развивать максимально широкое и единое экономическое пространство, стягиваемое бурно развивавшейся транспортной инфраструктурой.

Имело значение и желание предотвратить распространение сепаратистских настроений. На практике это означало стремление царского правительства рационализировать систему госуправления, создать единое административно-правовое и культурно-языковое пространство, а значит – и гражданскую нацию. Однако любые практические шаги к унификации системы регионального управления вызывали бурю негативных эмоций. И, напротив, националистические тенденции по окраинам страны с восторгом поддерживались либеральной и социалистической интеллигенцией, причем как в регионах, так и в столицах.

Формулировалась ли задача создания нации-государства, гражданской нации концептуально на уровне государственной политики? Скорее, нет. «Самодержавие просто пыталось “воспитывать” народы (начиная с православных и делая это довольно грубо) соответственно собственным удобствам управления по ходу освоения новых территорий, – описывает логику власти Булдаков. – Самодержавие исходило из восприятия народов и территорий как пластичной этногеографической среды, и потому старалось действовать осторожно. Разумеется, это не имело ничего общего с гуманизацией межэтнических отношений, – на жесткую политику сил не находилось»¹⁵. Конечно, не все так просто. В умах управленческой элиты, безусловно, существовал образ России как страны, где лояльность окраин обеспечивают не только власть и сила, но и цивилизационное притяжение. Однако, российский политический класс не предложил убедительной и привлекательной концепции русскости, не сводимой ни к этническому, ни к имперскому государству.

К началу XX столетия доминирующей в российских интеллектуальных и политических кругах по-прежнему оставалась идея национально-

¹⁴ Тишков В.А. Указ. соч. С. 574.

¹⁵ Булдаков В. Указ. соч. С.37.

го единства, национальной государственности империи, основоположником которой выступал известный публицист М. Катков. По этой теории, Россия могла существовать только как государство, где обеспечено преобладание *титульной* нации, поддерживается единство правового поля, властных институтов, государственного языка. При этом другие народы могли сохранять свою культурную, языковую, религиозную автономию в пределах, не угрожающих целостности страны¹⁶. К подобному мнению склонялись и приверженцы охранительной «теории официальной народности», и вполне либеральные идеологи равноправия в рамках «этнически единого национального государства».

Следует заметить, что споры о критериях «русскости» – язык? православие? кровь? – вплоть до революции носили весьма острый характер. Приверженцы отождествления понятий «русский» и «великорусский» находились в очевидном меньшинстве, доминировала идея общерусской нации, объединяющей всех восточных славян. В классическом исследовании известного этнолога и географа А. Риттиха «Славянский мир» говорилось, что Россия «в смысле славянства представляет сплошное тело, заключающее в Европейской России, без Кавказа и Финляндии, 82% славян, из которых на долю одних русских приходится 75%. Последние делятся на три наречия: великорусское – 49%, белорусское – 5% и малорусское – 20%»¹⁷. Причисление к русским также украинцев и белорусов было тогда общепринято не только в России, но и за ее пределами. В «Народоведении» немецкого автора Ф. Ратцеля говорилось как о само собой разумеющемся о трех ветвях единого народа, которые «вообще можно назвать северно-, южно- и западно-русскими»¹⁸.

Представление о православии как сути русскости было чревато проблемами с интеграцией сектантов, старообрядцев, белорусов-католиков, с созданием полноценной армии. Вспомните сцену присяги в «Поединке» А. Куприна: сначала батюшка приводит к присяге православных, потом ксенз – поляков, за неимением пастора штабс-капитан Дитц – лютеран, мулла – мусульман, затем язычнику-марийцу на шпаге подносят хлеб, и он клянется солнцем и луной в верности царю.

Единства в понимании русскости даже в официальных трактовках не было, и в этом заключался один из основных факторов слабости российского национализма.

¹⁶ Административно-территориальное устройство России. История и современность / Под ред. Е.М. Смирнова. М., 2003. С. 170–171.

¹⁷ Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава, 1885. С. 23.

¹⁸ Ратцель Ф. Народоведение / Пер. с нем. Т. 2. СПб., 1903. С. 816.

Однако нельзя не подчеркнуть, что в России существовало пусть немногочисленное, но достаточно влиятельное интеллектуальное течение, еще в начале XX в. сформулировавшее концепцию политической полиэтнической российской нации, которая и должна была в будущем в идеале охватить всю империю. Эту идею гражданской нации активно проповедовали П. Струве и его сторонники. «Нация – это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого для будущего»¹⁹. Главный акцент при этом делался на расширении политического участия, воспитании гражданской лояльности империи. В теориях Струве и его школы перекрещивались либерализм, национализм и империализм, что было тогда нормой, причем не только в России, но и везде в Европе.

Но не мешала ли формированию гражданской нации реально шедшая русификация? Полагаю, непримиримого противоречия тут не было. Как подчеркивает историк Б. Миронов, «правительство было вынуждено проводить модернизацию под знаком русификации, которая в тех условиях означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а, прежде всего, систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию»²⁰. Встает вопрос и о степени русификации, которая неизменно инкриминировалась царскому режиму.

«Более или менее жесткие ограничения сферы применения языка в администрации, образовании, печати, публичной сфере касались в разное время, особенно во второй половине XIX в., всех языков, распространенных на западных окраинах империи, включая не только Царство Польское и Западный край, но и остзейские губернии»²¹, – подтверждает Миллер. По его обоснованному мнению, реальное ограничение применения «развитых» языков – немецкого, польского, а также татарского – сопровождалось реальным их вытеснением из тех сфер, где они ранее имели сильные позиции. Это было связано, с одной стороны, с опасениями, как бы материально и культурно сильная группа на окраине не реализовала собственный ассимиляционный проект в отношении более слабых соседей. А, с другой стороны, являлось частью сложного соревнования с соседними континентальными империями, одни из которых – Германия, Австро-Венгрия – проявляли прямой интерес к национальной

¹⁹ Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 248.

²⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. М., 2000. С. 41.

²¹ Миллер А. Указ. соч. С. 82.

ситуации в Западном крае, а другая – Турция – претендовала на роль альтернативного центра притяжения мусульман и тюркских народов.

Что же касается «развивающихся» и эмансипирующихся языков – литовского, латышского, эстонского, белорусского, украинского, идиш, – то речь шла не о вытеснении, а о создании препятствий для освоения ими новых функций в образовании, администрации, публичной сфере. Особым способом регламентации языковой сферы являлось изменение привычного алфавита. Так, литовский и латышский перевели с латиницы на кириллицу, в выборе алфавита для казахского, чувашского и ряда других языков кириллицу предпочли арабской графике; для татар арабское написание не запрещали, но параллельно для крещеных татар был разработан кириллический алфавит и т.д. Ограничивалась публикация книг на украинском и белорусском языках, что отражало стремление предотвратить эмансипацию этих «наречий русского языка». Но, скажем, никаких ограничений на издание литовских и латышских книг на кириллице никогда не было²². В этом, как и в подавляющем количестве других случаев, речь шла не об ассимиляции, а о стремлении обеспечить аккультурацию и лояльность центральной власти.

Если посмотреть на статистику издательской деятельности, то можно обнаружить, что в 1913 г. общий тираж изданных в России книг на русском языке составил 98,8 млн. экземпляров, на других языках – 20 млн., из них: на польском – 4,8 млн., латышском – 3,8 млн., арабском – 2,3 млн., немецком и идиш – по 1,5 млн., иврите – 867 тыс., эстонском – 1,1 млн., татарском – 1 млн., украинском – 725 тыс., литовском – 669 тыс., белорусском – 33 тыс. В том же году выходило 2167 периодических изданий на русском языке и 748 – на иных языках. В общем количестве газет и журналов разных жанров насчитывалось: 303 – на польском, 81 – на немецком, 73 – на латышском, 60 – на иврите и идиш, 55 – на эстонском, 34 – на грузинском, 30 – на армянском, 28 – на литовском, 23 – на татарском, 17 – на украинском, 6 – на азербайджанском, по 3 – на белорусском и румынском²³.

Но в целом в предреволюционные десятилетия позиции русского языка как официального укреплялись, русская культура пронизывала и иноязычную элитную среду. Происходило это далеко не только в результате насильственной аккультурации, но и через создание позитивной мотивации. Как и в любой империи, овладение доминирующим языком

²² Там же. С. 82, 92–93, 67.

²³ Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 354, 356–357, 369–370.

открывало качественно более высокие возможности для социальной мобильности, образования, карьеры. «Во многих районах империи вестернизация шла из России и через русские институты, и модернизационные стратегии локальных сообществ могли предполагать частичную, инструментальную русификацию, – подчеркивает Миллер. – Так, мусульманская интеллигенция... в конце XIX – начале XX в. могла ратовать за усвоение русского языка именно как инструмента, во-первых, облегчающего доступ к западноевропейской мысли и образованности, откуда можно было черпать идеи и ресурсы для собственных националистических проектов, а во-вторых, дающего возможность более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением»²⁴. Русский был языком образованной элиты. В этом смысле, как и английский в современном мире, его не надо было навязывать.

В.А. Тишков обнаруживает, что «в элитной среде гражданский национализм был доминирующей идеей и он превосходил другие формы национализма – от почвенного русского (в узкоэтническом смысле) до периферийного этнонационализма... Более того, немецко-балтийская элита была одним из катализаторов формирования российского национализма как соединения государственных и этнических элементов в составе основополагающей общности, и она поддерживала понятие российской нации». Академик также обращает внимание на наличие отчетливой общей идентичности, понимаемой как разделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним. «В исторических анналах обнаруживаются достаточно сильные проявления российской идентичности (гораздо сильнее, чем этнические формулы и призывы) среди нерусских народов, даже среди населения Финляндии и Польши, не говоря уже о Поволжье и Кавказе. При этом следует помнить, что в то время сами по себе слова “русский” (в широком смысле, а не как великороссы) и “российский” были взаимозаменяемыми... Поэтому более легитимными были такие понятия, как “русская Польша”, не говоря уже об Украине и Белоруссии, которые считались русскими регионами, как и их население»²⁵.

Так чем же была Россия – империей или национальным государством? По моему убеждению, и тем, и другим. В этой позиции я не одинок. Так оценивал нашу страну П. Струве: «С точки зрения историко-социологической, нет в образовании государств различий, быть может,

²⁴ Миллер А. Указ. соч. С. 62.

²⁵ Тишков В.А. Указ. соч. С. 574–575.

более основного и решающего, чем различия между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи»²⁶. Взгляд на до-революционную Россию не просто как на империю, но как на централизованное государство с федералистскими и культурно-автономистскими элементами нашел свое место и в западной историографии. Ее представители вслед за гарвардским профессором-эмигрантом М. Карповичем не защищали «империю как таковую; скорее, они пытались написать историю России в большей или меньшей степени как историю национального государства, или, по крайней мере, национального государства, находящегося в стадии формирования»²⁷. В.А. Тишков подтверждает: «Россия накануне революции была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации»²⁸.

Первая мировая война показала относительную слабость внутренних государственных скреп, особенно в условиях, когда австро-германская коалиция предпринимала небезуспешные попытки разгрызть карту национальной самобытности и прав на самоопределение населявших ее народов. «В ходе мировой войны великие державы стали использовать поддержку национального сепаратизма в лагере соперника без ограничений, характерных для предшествующего периода, когда они больше были озабочены сохранением определенной солидарности между империями в борьбе с национальными движениями»²⁹. Особенно успешно это удавалось делать Центральным державам на западных окраинах, ощутивших на себе не только мощь пропагандистских машин противника, но и все тяготы войны. Брожение наблюдалось и в других регионах – Закавказье и даже в Средней Азии.

Центральная власть активно противодействовала агитации неприятеля и центробежным тенденциям, создавая специальные органы (в частности, Особый политический отдел МИДа), экспериментировала с реформами системы управления окраинами, пробуя самые различные рецепты, порой противоположные и взаимоисключающие. Но даже учитывая обострение национального вопроса в годы войны, можно ли говорить, что

²⁶ Струве П.Б. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. 248.

²⁷ Фон Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 24.

²⁸ Тишков В.А. Указ. соч. С. 576.

²⁹ Миллер А. Указ. соч. С. 181.

национально-освободительные движения разорвали Империю изнутри и вызвали революцию? Ответ найдем, проанализировав ситуацию в различных национальных регионах и с разными этническими группами.

О напряжении, волнениях, сепаратистских настроениях на окраинах страны в Петрограде было хорошо известно. Департамент полиции докладывал 30 октября 1916 г.: «Боязнь немецкого засилия объясняют эстонцы свое недоверие правительству, что, будто, заставляет их искать сближения с немцами, значение которых в Прибалтийском крае, по мнению эстонцев, и после войны будет прежнее, почему останется и экономическая зависимость крестьян от немецких помещиков.

Армяне недовольны центральным правительством за то, что, по их мнению, оно готовится отклонить автономию Армении.

По-прежнему отрицательно отношение к русской власти в Финляндии, которая, однако, не возлагает уже надежд, как ранее, на русские оппозиционные партии (кроме финляндских социал-демократов, рассчитывающих на помощь российского пролетариата), а надеется более на «давление» из-за границы.

Наконец, настроение туземного населения Туркестанского края представляется также значительно повышенным и нервным, долженствующим вылиться... даже в формы открытого выступления против русского владычества в крае»³⁰. Однако Департаментом полиции все эти проблемы справедливо воспринимались как «частные» причины недовольства населения в сравнении с общими для страны экономическими затруднениями и набиравшим силу политическим кризисом.

Действительно, силы национального освобождения были далеко не главным фактором крушения России. «Как это не покажется неожиданным, но расписанные в исторических текстах буквально по минутам “национальные движения” в империи Романовых были маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций, крайне редко облакаемые в риторику национализма, а тем более в его сепаратистской форме, – подчеркивает академик Тишков. – ...Историческая драма состояла в том, что правящий центр оказался слабым, и верх одержали силы радикального передела и социальной революции, которые взяли в союзники быстро народившиеся периферийные национализмы этносепаратистского характера»³¹. Толчком к дезинтеграции страны были не национальные движения, а события в центре власти. Эти движения стали не причиной, а следствием Февральской революции 1917 г.

³⁰ Буржуазия накануне февральской революции. М.–Л., 1927. С. 137–138.

³¹ Тишков В.А. Указ. соч. С. 576.